

жила с отцом. Мы стали переписываться, и прежде всего я вложила в одно из писем фотографию моей мамы, чтобы Ирина увидела, какая у меня мама красавица. Мне очень хотелось похвастаться своей мамой. И я помню, что с этого момента началась наша тесная дружба, которая продолжается и по сей день.

Ирина всегда меня поддерживала, во многом формировала мое отношение к жизни. Она для меня «летописец Пимен»: у нее есть архивные видеозаписи и заметки почти обо всех концертах моей молодости.

Ирочка часто приглашала меня к себе в гости. Бывало, что на выходные или на праздники все мои друзья по интернату разъезжались к родителям, а я оставалась совсем одна. Тогда Ирочка с Владиком звали меня, пригласили, откармливали... На всю жизнь запомнила одну кулинарную историю: Ирина на рынке купила какие-то замечательные отбивные, которые нужно было поджарить, и принесла домой, а я, совершенно не умеющая

тогда готовить, положила их в кастрюлю и сварила... Получился большой конфуз... По тем временам это был дорогой и дефицитный продукт, но, конечно, Ирочка только посмеялась над этим и махнула рукой.

На меня большое влияние оказал дом Таймановой, ее аристократизм, ее невероятное умение говорить, рассказывать, ее знакомство со многими знаменитыми людьми того времени — с Татьяной Вечесловой, Галиной Вишневской, Мстиславом Ростроповичем... В ее орбите постоянно находились очень интересные, потрясающие люди! Ирина всегда была центром притяжения.

Мне очень важна была ее поддержка. С раннего детства я не жила с мамой, а Ирина всегда говорила мне: «У тебя все получится!» Она была для меня в годы юности ролевой моделью и всегда по-матерински, с большой любовью опекала меня.

*С П. О. Осетинской беседовал
Д. Ю. Брагинский*

Leonid GAKKEL The school that deserves recognition

Memories of school years in a Special Music School at the Leningrad Conservatory of Leonid Gakkel, an Honoured Art Worker of the Russian Federation, Professor of the Piano Department of the St. Petersburg Conservatory. He tells about teachers, his class, and musical impressions of those years left by performances of H. Abendroth, G. Gould, A. Benedetti Michelangeli, Van Cliburn and other prominent musicians.

Keywords: L. E. Gakkel, E. I. Shteinbok, L. A. Barenboim, C. M. Fidler, G. L. Sokolov, H. Abendroth, G. Gould, Van Cliburn, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Леонид ГАККЕЛЬ Школа, требующая особого внимания

Воспоминания о годах обучения в специальной музыкальной школе при Ленинградской консерватории Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, профессора кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории Леонида Евгеньевича Гаккеля.

Он рассказывает о педагогах школы, своем классе, музыкальных впечатлениях тех лет, вызванных выступлениями Г. Абендрота, Г. Гульда, А. Бенедетти Микеланджели, Вана Клиберна и других выдающихся музыкантов.

Ключевые слова: Л. Е. Гаккель, Э. И. Штейнбок, Л. А. Баренбойм, Ц. М. Фидлер, Г. Л. Соколов, Г. Абендрот, Г. Гульд, Ван Клиберн, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Санкт-Петербургская консерватория.

Заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения Леонид Евгеньевич Гаккель — один из самых авторитетных и известных российских музыковедов. Автор многочисленных книг и статей, посвященных истории фортепианного искусства и актуальным проблемам современной музыкальной жизни, он постоянно выступает с лекциями на радио и телевидении, публикуется в московских и петербургских газетах.

Л. Е. Гаккель занимает должность «главный специалист-музыковед Мариинского театра» и в то же время долгие годы работает профессором Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Леонид Евгеньевич принадлежит к блистательной плеяде выпускников Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Специально для читателей журнала MUSICUS он поделился своими воспоминаниями о годах учебы в школе-десятилетке.

Дмитрий Брагинский. Вы поступили в школу-десятилетку в особенном году — 1945. Каким было начало и что ему предшествовало?

Леонид Гаккель. Мы приехали из эвакуации на год позже снятия блокады, в 1945-м. К тому времени я уже одолел два класса — в Казани начал заниматься в музыкальной школе, довольно известной (ее, в частности, окончила София Губайдулина). Однажды, не помню, по какой причине, мы с мамой¹ вошли в консерваторское здание — через шестой подъезд, и мама встретила там своего хорошего знакомого, Романа Иринарховича Тихомирова. Он в это время разговаривал с Григорием Михайловичем Бузе, директором Десятилетки. Мама обратилась к Тихомирову, Тихомиров, обращаясь к Бузе (все были на «ты»), сказал: «Посмотри, какой чудесный мальчик, возьми его в школу». Бузе ответил, что нет никаких проблем. Моя судьба была решена. С сентября я начал заниматься в третьем классе Десятилетки и не покидал ее до окончания. В итоге так сложилось, что в здании школы училось три поколения Гаккелей: мой папа² — в Реформатском училище в стенах школы, потом ваш покорный слуга в Десятилетке и затем там же — мой сын. Со времен Реформатского училища здание, конечно, перестраивалось, меняло архитектуру...

Д. Б. ...а два входа — в школу и училище имени Римского-Корсакова — так и остались: в одной половине были классы для мальчиков, в другой — для девочек. На том месте, где сейчас стоит ДК Связи, была протестантская кирха...

Л. Г. ...а напротив (Мойка, 84) жила семья Гаккелей (предыдущее поколение, мы жили уже на Канале Грибоедова, 9). Над ними — певица Вяльцева.

Меня определили к Эсфири Израилевне Штейнбок, тогда еще молодой женщине, но третьеклассникам все дамы кажутся весьма почтенными. Она училась у Ирины Сергеевны Миклашевской, так что я попал в хорошие руки. Дальше все текло по предначертанному пути, который продолжается и доньше. Никаких особенных событий не было, да и быть в те годы не могло: не существовало ни конкурсов, ни фестивалей, на которые можно было ездить. Однако перед нами играли гениальные музыканты: Филармония тогда и долгое время спустя была

изумительным очагом музыки, и вся моя жизнь шла под ее знаком.

Д. Б. Какие яркие концерты вам запомнились?

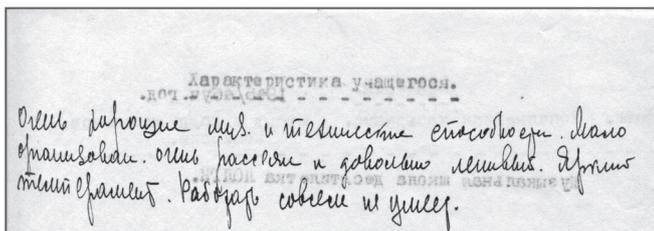
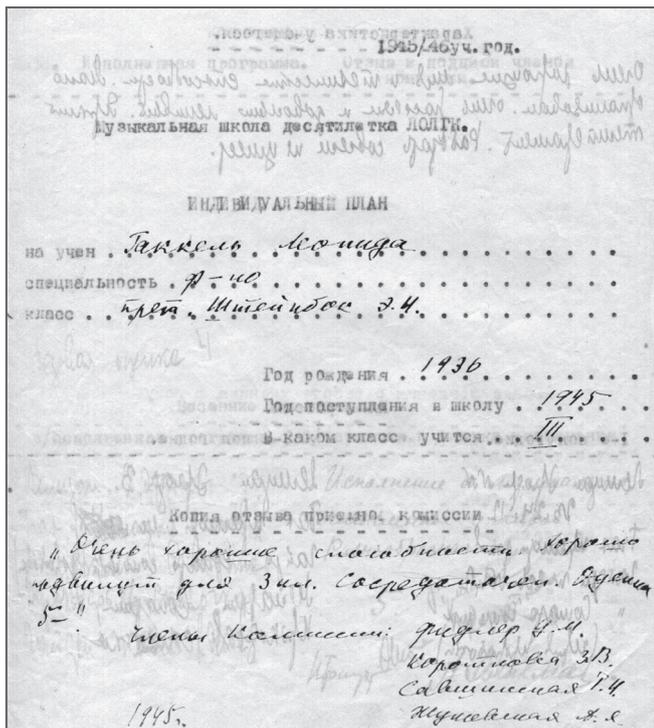
Л. Г. Недавно о том же меня спрашивала в своей телепередаче Сати Спивакова: что я слышал, кого видел... Рассказ об этом может продолжаться вечно. 13 июня 1945 года — мое первое (с папой) посещение Большого зала Филармонии. Там исполнялись Шестая симфония и Первый концерт Чайковского. Дирижировал Борис Эммануилович Хайкин, солистом был Павел Алексеевич Серебряков, они для меня навсегда создали «эталон качества». С 1950-х годов я сам начал регулярно посещать Филармонию. Из иностранцев приезжал (в 1951 году) Герман Абендрот, выдающийся дирижер, переживший годы нацизма в Германии. Мой папа слушал Абендрота еще в двадцатые годы, когда тот выступал в Ленинграде. Папа был тогда режиссером ТЮЗа, в котором шли «Разбойники» Шиллера — один из лучших папиных спектаклей. Абендрота пригласили на этот спектакль в качестве почетного гостя и он оставил одобрительный отзыв. Папа половину текста в спектакле написал сам: это в духе тех лет, когда на сцене все переиначивалось. Режиссура совершенно безумствовала, она это и сейчас делает, но тогда это было привлекательно.

Концерт Абендрота стал для меня одним из первых незабываемых впечатлений. Дальше — больше, и в результате — немыслимое богатство воспоминаний. Я завел тетрадь и до сих пор продолжаю вести подобные тетради, записываю программы концертов, имена исполнителей, все, что полагается записать. С течением времени я превратился в очень «наслышанного» человека.

16 мая 1957 года в Малом зале Филармонии играл Глен Гульд. До этого у него был концерт в Большом зале, но никто не знал, что это Глен Гульд, и половина зала пустовала. Только к концу концерта началось движение, пошли телефонные звонки во всех направлениях, и зал наполнился. Я при этом не присутствовал, поэтому не могу привести подробностей. В Малом зале Гульд играл Гольдберг-вариации Баха, Интермеццо Брамса, Сонату in B Хиндемита. Там уже негде было яблоку упасть, и это еще слабо сказано: четыреста счастливцев попали на неопишуемый концерт. Гульд — пришелец, марсианин,

¹ Свердлова Роза Мироновна (1908–2003) — актриса киностудии «Ленфильм», педагог. Заслуженная артистка БССР (1935).

² Гаккель Евгений Густавович (1892–1953) — актер, режиссер, преподаватель, автор инсценировок, интермедий к спектаклям. Актер и режиссер (с 1926) Ленинградского ТЮЗа (1922–1927), режиссер театра Леноблпрофсовета (с 1936 — Театр имени Ленинского комсомола), Красного театра и др. В годы Великой Отечественной войны работал главным режиссером в Казанском Большом драматическом театре. С 1947 года — режиссер Ленинградского драматического театра (с 1959 — Театр имени В. Ф. Комиссаржевской).

Л. Гаккель с мамой, Р. М. Свердловой

так люди не играют. Через несколько дней он исполнил В-dur'ный концерт Бетховена с дирижером Ладиславом Словаком, после этого уехал и больше у нас не появлялся. Впечатление от него осталось не просто сильное: оно разделило музыкантскую жизнь такого человека, как я, на «до» и «после».

Другие впечатления были более традиционными, но когда приезжают Артур Рубинштейн, Артуро Бенедетти Микеланджели, Исаак Стерн, или — буквально один за другим! — Бостонский оркестр с Шарлем Мюншем, Нью-Йоркский филармонический с Леонардом Бернштейном, Кливлендский с Джорджем Селлом, Филадельфийский с Юджином Орманди, то от одних перечисленных имен и названий пробирает дрожь. Бывали такие сезоны, когда казалось, что над вами идет звездный дождь. Невозможно представить это сейчас — не только потому, что опускается новый железный занавес, а потому что нет музыкантов, которые бы переворосили вашу жизнь. Когда посреди тогдашней улицы Бродского вы видите Бенедетти Микеланджели, идущего на дневную репетицию, и он на вас смотрит взглядом демона, посмотрел — и прожег!.. или когда вы видите Иегуди Менухина, а он, жестикулируя, объясняет кому-то у филармонического подъезда, как играть на ситаре (его

тогдашнее увлечение), то это ощутимо увеличивает ваш «удельный вес».

Д. Б. Леонид Евгеньевич, а что вы играли на школьном выпускном экзамене?

Л. Г. Я играл Восемнадцатую сонату Бетховена, Экспромт В-dur из ор. 142 Шуберта и все, что требуется по программе, наверняка какую-то виртуозную пьесу...

Д. Б. Мы можем это посмотреть в вашем личном деле!

Л. Г. О, туда даже страшно заглядывать. В восьмом классе я вообще перестал ходить в школу и не ходил три месяца. Типичный кризис возраста. Я читал книги, не переставая. Родители не чинили мне никаких препятствий. Потом окончил школу, как и все, но нужно помнить, что в то время аттестата зрелости в Десятилетке не было, его ввели в год моего окончания.

Я всегда имел большой успех у преподавателей русского языка и литературы. Эти предметы вели у нас Александра Ивановна Агафонова, Елизавета Тихоновна Никитина. Они понимали, что имеют дело с детьми, которым предстоит стезя не вполне обычная. Причем в Десятилетке нас обучали так, что мы профессионализировались очень быстро. Это, как и все на свете, имеет и плюсы и минусы.

Л. Г. Нет, Большаянов. Серебряков едва ли не в последний раз пришел на заседание Ученого совета, чтобы проголосовать там против меня.

Д. Б. Когда вы начали преподавать в консерватории?

Л. Г. В 1958 году я поступил в аспирантуру, а в 1959-м получил из рук профессора Баренбойма часть его курса «истории пианизма» (тогда это называлось так) для заочников. Мне кажется (это обычная присказка), что ученики были тогда старше меня. Официально я был принят на работу в 1961-м.

Д. Б. Значит, в следующем году у вас будет неофициальное шестидесятилетие с начала педагогической работы. Если вернуться к школьным годам, то кого еще из учителей вы могли бы вспомнить?

Л. Г. Пережившие войну возвращались к мирной жизни. Это было, разумеется, нелегко для них, казавшихся нам невероятно зрелыми, как, например, Юлий Аронович Мирский — в морском кителе, превосходный преподаватель физики. У нас был физический кабинет, на четвертом этаже за поворотом. Или математик Иван Александрович Стадницкий, бывший военный, тоже ходивший в кителе. У него были своеобразные привычки: он опаздывал на полчаса на урок, потом брался за свой стол, передвигал его к окну и возвещал: «Контрольная!», и вы должны были в оставшиеся пятнадцать минут уложить все ваши знания в контрольную по математике. Некоторые учительницы, как нам казалось, стояли за пределами преклонного возраста: например, учительница географии Анна Васильевна Нестерова, которую мы на словах не щадили, но позже выяснилось, что у нее героическая биография. Немецкий язык преподавала очаровательная Фаина Михайловна Тылина. В последний раз мы с ней случайно встретились много лет спустя в Пярну и, конечно, узнали друг друга. Мой приятель Лёва Калманович, контрабасист, чувствовал, что немецкий язык — это его стихия и постоянно разговаривал на уроке; в этих условиях Фаина Михайловна нашла лучшее решение: она выгоняла Лёву из класса и тогда уже начинала свой урок.

В то время дети Десятилетки получали рабочие карточки на продукты: считалось, что они так много трудятся, что их можно пустить по рабочему разряду. На первом этаже, где находился директор, была касса, в которой сидела Лариса Степановна Южик, преподававшая у нас арифметику. Мы получали стипендию и эти карточки, так что я вполне мог сойти в семье за кормильца. Но, слава Богу, еще был жив отец, и мы не испытывали таких трудностей.

Д. Б. Вы упомянули Льва Калмановича. Кого еще из соучеников и из своего окружения можете вспомнить?

Л. Г. Вокруг — сколько угодно. Боря Гутников, Сережа Слонимский, Марик Эрмлер. Боря жил в интернате, его мама была там кастеляншей; в интернате жил Анатолий Никитин, его мама тоже служила где-то поблизости. Интернат был источником полузапретных переживаний,

дети чувствовали себя там весьма вольготно. На год позже меня школу окончила Светлана Бояр (Таирова), дочь председателя Горсовета, попавшего в сталинскую мясорубку. Мама Светланы тоже туда попала, но не ценой жизни: она была выслана, а позже, после возвращения в Ленинград, погибла под машиной. Со мной в классе училась Ляля (Галя) Мшанская, дочь Ольги Феликсовны Мшанской, великолепной певицы из Кировского-Мариинского театра. Поскольку их квартира, вероятно, пропала, первое послевоенное время Мшанские жили в Европейской гостинице, и я часто приходил к ним в гости. Помню Ильяса Ибрагимова, виолончелиста из Узбекистана: его выдвигали на все отчетные концерты как представителя братской республики. Одновременно со мной учились Эля (Эльмира) Уразбаева, позже прославившаяся как звезда эстрады, Дина Шнайдерман, замечательная скрипачка, приехавшая из Одессы, яркая, общительная девушка, впоследствии вышедшая замуж за скрипача Эмила Камиларова из Болгарии (он не только играл, но и писал диссертацию и быстро стал профессором). Недалеко от меня — по возрасту — училась Марина Дранишникова, дочь дирижера Владимира Александровича Дранишникова, композитор и пианистка (ученица Надежды Иосифовны Голубовской).

Д. Б. Ваш класс был большой? Сейчас одновременно могут выпускаться (по разным специальностям) 40–45 человек.

Л. Г. Нет, классы были очень небольшими. Когда мы оканчивали, нас было всего одиннадцать человек — пианистов, скрипачей и духовиков. Причем в возрасте был немалый разнобой. Со мной учился, например, Сайфулла Алмасов, узбек, ему в четвертом классе исполнилось восемнадцать лет, а мне — десять. Его привезли из Ташкента, пристроили, он начал играть на валторне. Все было в порядке, но разница в возрасте, конечно, бросалась в глаза. Это совершенно не мешало нам учиться вместе: Сайфулла был очень добродушный, никаких проблем для нас не создавал. Он сидел на последней парте, в конце урока и мы к нему подсаживались, поскольку на последней парте чувствовали себя свободнее. Но и вообще мера свободы была очень значительной. Так и надо. Дети сами выбирают, что им делать.

Д. Б. А шалости себе позволяли в детстве?

Л. Г. Нет, я был пай-мальчиком и только наблюдал за опасными шалостями старших школьников. Они порой вытворяли невесть что: могли войти в класс, составив целую процессию — принести на руках одноклассника и так же молча вынести его из класса. Это называлось «вынос». Учительницы приходили в обморочное состояние, чего школьники и добивались. Тогда слово «крутые» не употреблялось, но целью было показать себя именно такими.

Д. Б. С кем вы играли в камерном ансамбле?

Л. Г. Насколько я помню, моим концертмейстером была скрипачка Нелли Склярская, а педагогом — Татьяна Александровна Саатчан. Но по-настоящему ансамбль

начался для меня уже в консерватории. В Десятилетке слишком много времени уходило на специальность...

Д. Б. Вы очень много занимались?

Л. Г. Целый день — и дома, и в школе. Групповые занятия начинались в три часа дня, все было мудро спланировано: мы имели возможность по-настоящему позаниматься. Все уроки по специальности тоже были до трех, а в три часа начинались общеобразовательные предметы. Мы, ученики-пианисты, играли на фортепиано денно и нощно. Я вел дневник, где писал обо всем: что учил, какие у меня возникали проблемы — настоящий самоанализ. Именно так я в шестом классе занимался Сонатой Моцарта F-dur, K.332 — обожал ее совершенно и до сих пор обожаю, из всех моцартовских сонат она моя любимая.

Д. Б. Вы говорили о преподавателях общеобразовательного цикла. Помните ли вы, кто вел музыкальные предметы?

Л. Г. Сергей Яковлевич Вольфензон преподавал нам гармонию. Через его руки прошло большинство наших школьников-композиторов, у него по композиции учился Слонимский. Учителей по сольфеджио вспоминаю с трудом. Вообще, гармония и сольфеджио у школьников-пианистов шли как бы по касательной, необходимый минимум соблюдался, но не более того — в отличие от музыкальной литературы. Ее преподавала Татьяна Павловна Тодорова, жена Бориса Александровича Арапова. У нее был прекрасный концертмейстер — Цили Давидовна Хазанова (кстати, мать моего одноклассника и близкого друга Бори Гликмана). Тогда еще не было звукозаписей, нам всё играли: ставили клавир, и — весь, от начала до конца...

Д. Б. А если «Борис Годунов»? Кто же пел Бориса?

Л. Г. Татьяна Павловна объясняла всё, как могла, то есть превосходно. И «Бориса Годунова», и «Пиковую даму», и «Князя Игоря» — от них оставались очень сильные впечатления. Из больших современных сочинений в программе были, по-моему, только «Песнь о лесах» Шостаковича и «Александр Невский» Прокофьева — вполне лояльные произведения тех лет. Уроки музыкальной литературы действительно были самыми интересными, мы восторгались мастерством Цили Давидовны, она играла будто с листа, хотя, думаю, всегда готовилась. Татьяна Павловна не прикасалась к инструменту, она была только спикером.

Д. Б. А кто из пианистов преподавал тогда в Десятилетке?

Л. Г. В Десятилетке работали консерваторские профессора: Г. М. Бузе, Н. И. Голубовская, К. Г. Шмидт... и ученики профессоров, готовившие им кадры. Дети, окончившие школу в классах учеников Бузе или Голубовской, потом поступали к этим профессорам в консерваторию, так что преемственность была полной. Тогдашние учителя были совершенно бесподобны, такие, например, как Цецилия Моисеевна Фидлер (мама Тамары Лазаревны Фидлер, заведующая фортепианным

отделением), Клара Ефимовна Столяр, Раиса Ильинична Шапиро-Савшинская (сестра Самария Ильича Савшинского), Лия Ильинична Зелихман (жена Моисея Яковлевича Хальфина, учительница Григория Соколова), моя Эсфирь Израилевна Штейнбок, Татьяна Борисовна Румшевич, которая заведовала фортепианным отделом после Фидлер. Выдающиеся учителя, настоящее созвездие. Они прекрасно играли сами и передавали своим ученикам всё, что могли и умели.

Д. Б. Это феномен петербургской школы? Как бы вы могли это объяснить?

Л. Г. Педагоги-пианисты могли быть разными, приезжать откуда угодно, но они заканчивали, как правило, нашу консерваторию у тех профессоров, с которыми в дальнейшем сотрудничали. Связи были нерушимыми, и я считаю, что это лучшая постановка цели: Десятилетка должна готовить молодых музыкантов для поступления в консерваторию.

Д. Б. Возможно, Десятилетка и была задумана для этого.

Л. Г. Наверняка, ведь Самарий Ильич Савшинский был одним из основателей школы и знал, что делал.

Д. Б. Вы помните Григория Соколова по школе?

Л. Г. Нет, он учился, когда я уже давно окончил Десятилетку. В консерватории его записали ко мне в класс по педагогической практике. Он у меня ни разу не появился, но я ему аккуратно выставлял пятерки. Григорий Соколов стал победителем Конкурса имени Чайковского в шестнадцать лет (в 1966-м), будучи еще учеником Десятилетки, и я слушал его на третьем туре Конкурса. Соколов играл Второй концерт Сен-Санса. Тогда же выступал Миша Дихтер, американец, ученик Розины Левиной, из-за которого вся Москва сходила с ума и считала, что появился новый Клиберн. Конечно, ничего подобного не случилось, но он был очень романтичный, с вьющейся шевелюрой, и московская публика бурно приветствовала Дихтера, а победа Соколова считалась ошибкой жюри. Соколова просто освистывали, как освистывали и Эмиля Григорьевича Гилельса, председателя жюри, объявлявшего результаты конкурса. Тогда публика повела себя просто по-хамски. Дихтер, кстати, потом приезжал в Ленинград, и они с Соколовым как-то раз дали концерты в Большом зале Филармонии с разницей в несколько дней — и всё стало на место...

В Конкурсе 1966 года участвовали еще и замечательные скрипачи, например, Виктор Третьяков, другие очень одаренные молодые артисты. Что говорить, тогдашний Конкурс имени Чайковского был просто озарением, а в первые свои годы — просто фантастическим по дарованию участников. Случались вещи смешные: приезжали американцы, которым Министерство культуры СССР оплачивало и поездку и пребывание у нас. После Конкурса, на котором они нередко проваливались на первом же туре, буквально с первого же номера (это была прелюдия и fuga Баха, где они и не могли найти концов), такие конкурсанты отправлялись гулять по Мо-

6. Результат годовых испытаний с оценкой комиссии	
а) Исполненная программа	б) Характеристика и оценка исполнения
20/22	
Грам - Бусони дитя... Бетховена Соната № 18 М. Листа... Шопена... Мендельсона...	В исполнении Баха Бетховена и Лодовика Моцарта... Мендельсона и Шопена В концерте Мендельсона сам не хващало впечатлительности 4+ Робинзон Н. Фидлер Н. Тесура

скве и гуляли столько, сколько им хотелось. Министерство культуры за все платило. Потом это прекратилось. Но «музыкальными туристами» были далеко не все: тогда же играл Ван Клиберн, играл Даниель Поллак, потрясающие молодые артисты.

Д. Б. Вы были в Москве в 1958 году на самом первом Конкурсе?

Л. Г. Нет, но Ван Клиберн приехал в Ленинград сразу после Конкурса, в морозном апреле 1958 года, и очередь за билетами в Большой зал Филармонии стояла ночи напролет. Я тогда учился в консерватории на последнем курсе, выстоял очередь и попал на его концерт. Он играл свою конкурсную программу: Сонату Моцарта К.330, Шестую сонату Прокофьева, Аппassionату, Третье скерцо и Третью балладу Шопена, семь пьес на бис. Это было просто невероятно, публика сплотилась, слылась в своем восторге. А потом пресса начала писать, что Клиберн — это случайность... Писали не то чтобы всякие глупости, но неуместные вещи. Надо было присутствовать на его выступлениях и видеть, что происходило. Недавно вышла большая переводная книга о Клиберне, там все описано, включая московскую часть его жизни, энтузиазм вокруг его имени, который для него самого оказался полной неожиданностью.

Д. Б. Москва сделала его легендой.

Л. Г. Он сам был совершенно бесподобен. Один его взгляд чего стоил, этого почти двухметрового уроженца Техаса.

Д. Б. И еще один вопрос о школе, точнее, о ее пространстве. В каком классе вы занимались по специальности?

Л. Г. На третьем этаже, в классе № 10.

Д. Б. Сейчас нумерация классов там начинается с № 17...

Л. Г. ...а тогда начиналась с № 3, довольно большого класса. Там, по-моему, преподавала Цецилия Моисеевна Фидлер. Лия Ильинична Зелихман занималась в каком-то из средних классов, а Эсфирь Израилевна Штейнбок — в № 10, последнем по левой стороне³. По правой стороне был класс ритмики, с маленьким коридорчиком справа от себя, там преподавала Фаня Михайловна Мarmorштейн, жена Льва Ароновича Баренбойма. Мы очень любили этот предмет, резвились там. Класс № 10 был большим, с двумя роялями. Хотя это и не считалось обязательным, но, как правило, старались, чтобы в классе стояло два рояля. Что касается Цецилии Моисеевны Фидлер, то здесь вообще вышло нечто удивительное. Несколько десятилетий спустя после окончания Десятилетки я прихожу туда, читаю в классе какую-то лекцию, выхожу в перерыве — и вдруг вижу, что на дверях класса висит табличка: «Здесь преподавала Цецилия Моисеевна Фидлер, ученица Альфреда Рейзенауэра». Тут можно было бы просто упасть в обморок, потому что Рейзенауэр — прямой ученик Листа, известнейший листианец, блестящий виртуоз. И Цецилия Моисеевна — музыкальная внучка Листа!

Д. Б. Если бы вы рассказывали на лекции о школе-десятилетке 1950-х годов, то каким было бы резюме?

Л. Г. Это школа высокого профессионализма, кровно связанная с Петербургской консерваторией и требующая особого внимания.

С Л. Е. Гаккелем беседовал Д. Ю. Брагинский.
Подготовка текста и примечания Д. А. Варуль

³ Ныне класс № 28.